

ЛЕОНИД ЛЕВИН

Внимание! Танки!

Об одной реплике Резуна по поводу дискуссии
на радиостанции «Эхо Москвы»

Все дальше от нас уходит в историческую даль Великая Отечественная война. Но споры вокруг истории войны, ее отдельных этапов и участков фронтов, роли различных родов войск не утихают и, очевидно, не стихнут никогда. Беда лишь в том, что далеко не все эти споры действительно способствуют выявлению исторической истины. Вместо этого участники дискуссий порой сознательно или неосознанно совершают подмену понятий и искажают реальные факты, уводя от исследования подлинной истории войны. Об одной такой дискуссии следует, на мой взгляд, поговорить подробнее — слишком важна для всех нас память о минувшей войне и слишком дорога правда о ней.

Спор, о котором пойдет речь, состоялся в эфире радиостанции «Эхо Москвы» в дни празднования 67-й годовщины Великой Победы. В нем приняли участие журналистка Ю. Латынина и историк В. Мединский¹. Через несколько дней после выхода программы в эфир на нее откликнулся печально известный Резун, проживающий ныне в Великобритании

и громко именующий себя «Суворовым». Среди прочего он заявил следующее: «Не могу остаться в стороне и не прокомментировать *поединок Латыниной с господином Мединским...* Начнем с танковых войск. Мединский утверждает, что танков в Красной Армии к лету 1941 года “было якобы много” (то есть на самом деле мало, утверждает Мединский) и что “у половины танков не было экипажа, почти ни у одного не было”. Какой только грязью не поливали историки советские танковые войска, но до такого не додумался даже Гёббельс!»

Далее Резун обрушивается на люто ненавидимого им маршала Г. К. Жукова: «Если дело с укомплектованием танковых частей обстояло именно так, как утверждает Мединский, то куда в таком случае смотрел наш гениальный полководец, начальник Генерального штаба Жуков? Почему он не принимал мер, не бил тревогу, не писал рапорты Сталину? И как же тогда все эти неуккомплектованные экипажами танки оказались в приграничных районах и принимали участие в боевых действиях в первые дни войны? Если все было именно так, то Жуков должен быть объявлен преступником». Резун, как всегда, как во всех своих изданных в России громадными тиражами сочинениях, верен

¹ См. «Великая Отечественная или Вторая мировая: возможен ли пересмотр итогов?» – <http://www.echo.msk.ru/programs/klinch/887586-echo/>

излюбленной тактике: 10 процентов общеизвестных фактов, 80 процентов — домыслов и «передергиваний», а остальное — истерический всплеск «праведных» эмоций².

Что касается лично меня, то я не считаю слова В. Мединского, а тем более Ю. Латыниной, на волнах «Эха Москвы» истиной в последней инстанции, а саму эту радиостанцию — чистейшим источником исторической правды о Второй мировой. Но уж где проросло, там и выросло. Оговорив этот факт, обращаюсь к разбору сути выпадов Резуна.

Сначала несколько слов о подготовке танкистов и степени укомплектованности танковых экипажей. Если речь идет о новых танках Т-34 и КВ, то здесь действительно наблюдалась нехватка подготовленных экипажей, и многие танки так и встретили войну «пустыми». Все дело в том, что механически пересадить экипаж легкого БТ-7 или Т-26 на средний Т-34 невозможно. Нужны совсем иные навыки и знания. Требуется время на «сколачивание» экипажа, на выполнение учебных заданий и стрельб. Автору довелось лично наблюдать нечто подобное на учениях «Запад», когда прибывшие из запаса экипажи, обученные на танках Т-55, не могли даже сдвинуть с места новые Т-72. Пришлось ударным порядком привлекать на учения водителей-испытателей танкостроительного и танко-ремонтного заводов. Тогда (как, увы, и во многих других подобных случаях) показуха удалась.

Кроме того, в подготовке немецких и советских танкистов существовало большое различие. Во-первых, сколоченные и успешно прошедшие вместе несколько лет войны, немецкие танковые экипажи обладали велико-

лепным опытом ведения реальных боевых и победных действий. Во-вторых, их готовили гораздо более качественно, сразу целыми экипажами, в специализированных учебных центрах. Такая подготовка, конечно, качественно отличалась от той, что могло дать обучение красноармейцев срочной службы в учебных батальонах РККА при боевых полках. На формирование экипажей, стрельбы и тренировку механиков в Германии отводилось гораздо больше времени и материальных ресурсов, чем в СССР на подготовку командиров-танкистов (до войны на это затрачивалось до двух лет!). Наконец, в-третьих, средний образовательный уровень экипажей немецких танкистов был заведомо выше, чем у советских, что сказывалось на качестве как обученности персонала, так и дальнейшей эксплуатации и обслуживания боевых машин.

Теперь попробуем разобраться с *количеством танков*. Это более сложный вопрос. Известно, что Гитлер (и это вполне естественно) сосредоточил для нападения на СССР 3,5 тысячи лучших и наиболее боеспособных танков из общего числа в 12 тысяч (цифра взята из доклада тогдашнего начальника ГРУ генерала Голикова). Другие оценки, в том числе иностранных специалистов, определяют общее число гитлеровских танков количеством 16—18 тысяч, с учетом трофеев, захваченных у поверженных стран. Разница в подсчете базируется на учете боеготовых и годных к восстановлению трофейных машин. Не следует забывать, что захваченными оказались все танки французской армии, в том числе и тяжелые. Были взяты в качестве трофеев (главным образом под Дюнкерком, но и не только там) практически все танки британского экспедиционного корпуса, в том числе очень неплохие машины «Матиль-

² См. www.echo.msk.ru/blog/syvorov_v/890284-echo/

да», броню которых не брала имевшая тогда на вооружении немцев противотанковая артиллерия.

Многие авторы, механически приводя немецкие данные о 3,5 или 4,7 тысячи танков, не включают в это количество тысячи иных бронированных боевых машин — штурмовые артиллерийские системы, полугусеничные и многоколесные артиллерийские броневики и бронетранспортеры, широко использовавшиеся немцами в качестве ударной силы наравне с танками. Это машины, сконструированные опять-таки в середине и конце 1930-х годов и технически отвечавшие самым высоким требованиям на момент начала войны. По известной немецкой традиции в это число входили только немецкие, но не трофейные танки. Между тем по огневой мощи, бронированию и проходимости эти виды вооружений были вполне адекватны или даже превосходили большинство советских легких танков начального периода войны. Гитлер смог сконцентрировать 3,5—4,7 тысячи лучших танков и другой бронированной техники на направлениях главных ударов только потому, что в Европе для танков война уже закончилась.

С другой стороны, магическое число 24 тысячи советских танков — это примерно *все* относящееся к бронетанковым войскам Красной армии, *все* произведенное за *все* предвоенные годы на *всей* территории СССР. Эта цифра сваливает в одну кучу танки «Русское Рено» МС-1, танкетки, бронеавтомобили, бронированные тягачи «Комсомолец», снятые с производства уже в 1940-м «лучшие танки мира» БТ-5 и БТ-7, построенные на основе американских «Кристи», старички Т-26 (советская версиях построенных по английской лицензии 1920-х годов «шеститонных» «Виккерсов»), а также новые машины оригинальной

советской конструкции — Т-34 и КВ. Все это — в одну кучу.

Проверить приведенные данные довольно просто. После прихода Гитлера к власти производство бронетанковой техники в СССР начиная примерно с 1933 года резко возросло — с 2 сотен до порядка 3 тысяч танков в год в предвоенный период. Восемь лет по 3 тысячи — как раз и получается искомое число. Кстати, сам год «танкового скачка» (1933-й) говорит о том, что приход Гитлера к власти в Германии вполне однозначно ассоциировался у Сталина с резким усилением военной угрозы. Достигнуть подобного показателя в танкостроении оказалось необходимо в мирное время, ибо именно с этого рубежа (не сотни, а тысячи машин в год!) стартовало военное производство танков. Именно этот задел оказался жизненно важным для восполнения потерь в предстоявшей войне. Не будь отлаженного массового производственного опыта мирного времени, не окажись подготовленными кадры рабочих и инженеров, заранее спланированных производственных площадей в Сибири и на Урале, страна осталась бы без танков уже к концу 1941 года.

Теперь самое время поразмышлять, могли ли участвовать в отражении немецкой агрессии танки, разбросанные на огромной по протяженности границе противостояния с Японией? А танки, состоявшие на вооружении Уральского военного округа, Сибирского, Забайкальского, Среднеазиатского, даже Харьковского? Тем более что до 1936 года большинство вновь производимой военной техники шло именно на восток, а не на запад. Именно там, на востоке, в те годы происходили вооруженные конфликты. Всегда на востоке и никогда на западе! А сколько танков было сожжено японцами в 1939-м на Халхин-Голе? Потери танковых бригад, участвовав-

ших в конфликте, огромны, но они были затем многократно восполнены. А сколько еще было испорчено, «запорото», перевернуто, утоплено, сожжено на учениях? Сколько поставлено в Испанию, в Китай?

Поэтому Жуков и говорит в своих мемуарах лишь о танках, непосредственно расположенных в приграничных округах и способных противостоять нападению врага. А их, на направлении танковых ударов немцев, оказалось меньше, чем у врага. Ибо советские танки были рассредоточены по всей границе как средства поддержки пехоты, без учета особенностей немецкого блицкрига. Танковые бригады только начали переформировываться в танковые дивизии и корпуса. Танки оказались в основном равномерно растянуты вдоль и вглубь Государственной границы, а не в местах главного удара. Что, кстати говоря, еще раз подтверждает оборонительный характер расположения войск, характерный опять-таки для времен Первой мировой войны.

Последствия оказались тем более печальными, что основная группировка советских войск находилась не на Западном, где наносился основной немецкий удар, а на Юго-Западном фронте. Наиболее мощная группировка РККА прикрывала не Белоруссию с ее болотами, а Украину с ее заводами и нивами, шахтами, рудниками и стадами. Именно прикрывала, а не готовилась к наступлению. Ибо в случае наступления на Германию, которое все время мерещится Резуну, путь до Берлина войскам генерала Павлова оказывался значительно короче, чем войскам генерала Кирпоноса. И военная игра, в которой Жуков нанес удар на западе, доказывает, что нападения скорее всего боялись, а не готовились к нему целенаправленно. Но это «мифологу», вошедшему в раж разоблачений не существовавших на деле воен-

ных планов, не втолкуешь — это ему не интересно, поскольку разрушает теорию о будто бы готовившемся нападении СССР на Германию.

Доверимся весьма объективному и точному английскому историку А. Кларку³. Согласно его (западным, а не ненавистным Резуну и иным «мифологам» советским!) данным, «против войск Павлова оказались сосредоточены 80 процентов немецких танков Гепнера, Гота, Гудериана». На севере наступали три танковые и две пехотные дивизии немцев. 600 танков на фронте в 25 миль! Им противостояла одна слабая 125-я стрелковая дивизия. В группе армий Бока в центре имелись две танковые группы под командованием Гота и Гудериана, состоявшие из семи дивизий численностью 1500 танков! Против них стояла одна полная 128-я стрелковая дивизия, разрозненные полки четырех других дивизий и 22-я танковая, находившаяся в процессе реорганизации и формирования (то есть якобы полностью готовая к наступлению — по Резуну), не укомплектованная боевыми машинами и экипажами. На юге против двух советских стрелковых дивизий наступали шесть пехотных немецких при поддержке 600 танков. А. Кларк приводит в своей книге выдержку из письма одного из свидетелей танкового прорыва. Как писал домой немецкий лейтенант, «русская оборона могла сравниться с рядом стеклянных теплиц».

Массу времени «мифологи» уделяют качественным параметрам советских танков. Резун во всех своих сочинениях⁴ превозносит их «превосходные» тактико-технические качества. И начинается все, как правило,

³ См. А. Кларк. «План "Барбаросса"». Крушение третьего рейха, 1941–1945. М., 2004.

⁴ См.: В. Суворов. Ледокол. М., 2000; Он же. Последняя республика. М., 2000. Ч. 1 и др.

с обличения! Оказывается, коммунисты выдумали сказочку, объявив, что «советские танки были огнеопасными, горели, как спички». А в действительности, мол, предвоенные советские танки не горели ни при каких обстоятельствах! Однако тот очевидный факт, что танки Т-26, Т-27, Т-28, БТ-2, БТ-5 и БТ-7 недизельных модификаций действительно горели от первых же попаданий снарядов противника, многократно описан в мемуарах выживших танкистов. Горели танки на Халхин-Голе, горели они и в Испании. И пользовались у танкистов примерно такой же репутацией, как полученные в ходе войны из Великобритании «валентайны», которые бойцы прозвали «братским крематорием на четверых», хотя и отмечали надежность двигателя и комфортное расположение экипажа.

Но «валентайны» сравнивали с Т-34, с КВ и... с немецкими танками. А вот почему советские танки БТ-5, БТ-7 и Т-26 горели лучше, чем аналогичные немецкие? «Мифологи» пользуются тактико-технической информацией весьма избирательно, то есть не информируя читателя о том, что не укладывается в прокрустово ложе их теорий. Но ответ можно найти практически во всех специальных энциклопедиях, посвященных танкам. Дело в том, что на большинстве советских танков предвоенного периода стояли либо модифицированные авиационные двигатели (как правило, списанные с самолетов) М-17 (модификаций Л, Т), либо автомобильные форсированные двигатели (ГАЗ). Так вот, легкие танки Т-26 и все танки с газовскими двигателями (Т-40Б, Т-60, Т-70, Т-80) горели хорошо, но все же хуже, чем скоростные БТ с авиационными двигателями. Ну никак не подходил авиационный двигатель для танка! И бензин высокооктановый, и испарения в замкнутом объеме

многократно выше, чем на самолете. Двигатель ведь не новый, списанный! Довольно часто случалось, что на учениях танкисты при задраенных люках получали отравление парами бензина. Что же происходило при попадании снаряда, и говорить не стоит: пары вспыхивали от малейшей искры.

Немцы же ставили на свои танки специально сконструированные двигатели (в частности — майбаховские «Maybach» NL-38TR, NL-120 TRM и др.) и противопожарные системы при них. Потому их танки горели хуже и реже. Правда, дизели они использовали реже: оснастили ими порядка 100 танков, а также тяжелые грузовики «Maybach». Но в целом практически всю войну немцы относительно благополучно прошли с карбюраторными двигателями, стоявшими в том числе и на превосходных во всех отношениях танках «тигр» и «королевский тигр».

Проверка в реальных боевых условиях Монголии, Испании, Финляндии заставила Сталина в авральном порядке перевооружать танковые войска с БТ-7 и Т-26, созданных по американским (БТ — «Кристи») и английским (Т-26 — «Виккерс») проектам, на Т-34, КВ и ИС-1, ИС-2, ИС-3 оригинальных отечественных конструкций. Все источники в один голос признают: слабы оказались предвоенные танки. Порочной была сама их концепция. Тонкая, противопульная броня пробивалась всеми видами немецкого противотанкового оружия, в том числе 20-мм танковыми пушками. Артиллерийское вооружение легких советских танков оказалось недостаточным ни для поддержки пехоты, ни для борьбы с танками противника.

Немцы же, начиная войну, ориентировались именно на известные им типы русских танков. В новые русские машины немцы поверили слиш-

ком поздно, когда в массовом порядке стали сталкиваться с Т-34 и КВ. Хотя за пару недель до войны Сталин лично разрешил поездку в Сибирь на военные заводы немецкому военному атташе — видимо, попытался таким образом припугнуть Гитлера, заставить его оттянуть сроки нападения. Но и подобная «экскурсия» не пошла впрок. Генерал Гальдер в «Военных дневниках» с удивлением отмечает появление на русском фронте новых отличных танков двух типов Т-34 и КВ-1 (КВ-2). Все предвоенное вооружение немцев прекрасно справлялось с броней устаревших советских танков, а вот Т-34 и КВ оказались неприятнейшим сюрпризом, с которым пришлось считаться.

Но не стоит Резуну делать скоропалительные выводы о том, что «одна из основных замечательных характеристик советских танков периода Второй мировой войны — они плохо горели». Во-первых, еще как горели, правда, не так жарко, как с бензиновыми двигателями. Во-вторых, противостояли Гитлеру в июне 1941-го в основном именно бензиновые танки предвоенной постройки. Горевшие, как уже отмечалось, лучше, чем танки противника. Что и говорить, при нехватке дизелей даже знаменитые Т-34 выпускались с карбюраторными бензиновыми двигателями. Кстати, и против новых танков немцы очень быстро нашли «противоядие» в виде прекрасной 88-мм зенитной пушки и подкалиберных снарядов с вольфрамовыми кернами для противотанковых орудий меньшего калибра. Впрочем, по просьбе Сталина английская и американская разведки очень оперативно выявили источники и перекрыли все пути снабжения Германии вольфрамом.

К лету 1942 года Т-26, Т-28, БТ-5 и БТ-7 практически исчезли из состава танковых войск РККА на советско-гер-

манском фронте, точно так же, как с немецкой стороны пропали к 1943-му такие их разнообразные аналоги, как трофейные французские танки, чешские Т-35(t), Т-38(t) и немецкие Т-2. А вот основные немецкие танки июня 1941 года Т-3 и Т-4, успешно проходя модернизацию, оставались в строю германских танковых войск до самого конца войны. По количеству в войсках модернизированные Т-3 и Т-4 во много раз превосходили и «Тигры», и «Пантеры», и «Фердинанды». То есть их конструкция, их запас прочности и надежности по всем параметрам превосходили конструкции предвоенных советских танков. Следовательно, ни особого качественного, ни семикратного количественного преимущества в танковых войсках Сталин перед Гитлером в 1941 году на границе не имел. При этом существовал некий потенциальный, со временем реализованный, запас прочности страны в целом.

«Мифологи» вроде Резуна заявляют, что перед войной СССР имел «тысячи ранее выпущенных танков с карбюраторными двигателями, кроме того, пять типов советских танков (БТ-7М, Т-34, КВ-1, КВ-2, Т-50) имели дизельные двигатели». Но не уточняют, сколько таких танков реально имелось на границе. С этим следует разобраться.

БТ-7М. Сколько успели выпустить БТ-7М, если начали выпуск в конце 1939 года, а после финской кампании 1940 года вообще прекратили производство БТ-7? В воспоминаниях и мемуарах танкистов БТ-7М упоминается крайне редко.

Т-50 — вообще танк мифический, в Отечественной войне не воевавший и в серии не выпускавшийся. Опытные экземпляры испытывали боем на «зимней», финской войне. Один или два танка оказались захвачены финнами и демонстрируются в музее.

КВ-2 выпускался очень малой серией и после финской кампании его производство было остановлено. Кстати, мощные 152-мм бетонобойные снаряды КВ-2 остались именно от прорыва линии Маннергейма. За неимением бронебойных их использовали против танков противника на Южном и Юго-Западном фронтах.

Т-34. С уже произведенными танками Т-34 немцы массово столкнулись лишь в глубине территории СССР. Генерал Гальдер впервые упоминает о новых русских танках пока еще вскользь, между делом, только в записях от 25 июня. Немецкий генерал Ф. Меллентин сдвигает дату тесного знакомства с Т-34 еще дальше. Он отмечает, что «эти танки не использовались в больших количествах до тех пор, пока наши передовые части не стали приближаться к Москве; здесь Т-34 сыграли большую роль в спасении русской столицы»⁵. То есть в приграничных округах таких танков немцы не встречали, а тем более — эшелонами не захватывали.

Отбросим слабенький дизельный БТ-7, мифический Т-50, малосерийный КВ-2. Остаются только два типа танков: средний Т-34 и тяжелый КВ-1. До начала войны КВ было произведено 636, Т-34 — 1225⁶. В сумме получается внушительное число. Не тысячи, но уже сотни. Этими сотнями «мифологи» и потрясают перед ошарашенным в силу слабой осведомленности читателем. Но танк, произведенный в Харькове на заводе Малышева 22 июня 1941 года, никак не мог принять участия в отражении внезапного нападения в Белоруссии. Равно как и танки, произведенные месяцем ранее. На 1 января 1941 года было произведено только 115 тан-

ков Т-34 и 243 — КВ. О чем косвенно свидетельствуют и Гальдер с Меллентином. Следовательно, Жуков прав: неуккомплектованность моторизованных и танковых частей техникой и вооружением к началу войны достигала 50—60 процентов. В мемуарах танкистов часто встречаешь грустные строки о том, что приходилось восстанавливать танки из ремонтного фонда. Восстанавливать и вести в бой даже списанные танки, приготовленные к отправке на переплавку. Но «мифологи» упорно зачисляют в общее количество и эти машины.

Нельзя забывать и о том, что новые, только-только произведенные в мирных условиях танки требовалось обкатать, вооружить, снабдить боеприпасами и самое главное — укомплектовать обученными, слаженными, тренированными экипажами. Не все произведенные танки посылались в приграничные округа. Ими комплектовались внутренние округа, например сибирские, различные учебные центры и танковые училища. Иначе откуда бы танки взялись в ноябре — декабре под Москвой вместе с сибирскими дивизиями, когда Харьков был сдан, а Ленинград блокирован? По льду Ладожского озера успели переправить всего несколько штук. Поэтому еще раз подчеркнем: верна оценка *профессиональных* военных историков, согласно которой в приграничных округах противостояли вторжению в основном устаревшие танки, а общее число советских танков в местах основных направлений главного удара гитлеровцев было меньше, чем немецких.

Вернемся теперь к утверждению Резуна о том, что в начальный период войны дизельные танки производил лишь СССР. Здесь вновь четко просматривается методика «профессионального разведчика», неизменно рассчитанная на малую осведомлен-

⁵ См. Ф. Меллентин. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999.

⁶ См. «Tanks of the World». London, 2000.

ность массового читателя. Откроем первый попавшийся справочник по танкам Второй мировой войны, например американский «Танки и бронемашины Второй мировой войны»⁷.

Выясняется, что немецкий разведывательный броневомобиль «Пума» SdKfz 234/2 (8×8), вооруженный длинноствольной 50-мм пушкой и пулеметом, имел дизельный двенадцатицилиндровый двигатель фирмы «Татра» 164W «Tatra» V-12 мощностью 220 лошадиных сил. Машина считалась одной из лучших в данном классе и могла вести бой с любыми легкими танками противника. Легкий итальянский танк «Carro Armato M11/39» образца 1939 года выпускался с восьмицилиндровым дизельным двигателем 78KW SPA 8T мощностью 105 л.с. Легкий японский танк типа 95 «Kyugo», принятый на вооружение в 1935 году, выпускался с шестицилиндровым дизельным двигателем NVD фирмы «Мицубиси» мощностью в 120 л.с. Средний танк типа 97 «Chi-Ha» имел V-образный дизель той же фирмы, но мощностью 170 л.с. В США уже в октябре 1941 года был стандартизирован как средний танк M4 «Sherman» с 375-сильным V-образным двенадцатицилиндровым дизельным двигателем фирмы «General Motors» типа 6046.

Наконец, в Великобритании уже не раз упоминавшийся танк «Матильда», имевший, кстати говоря, бронирование до 78 мм и участвовавший в войне буквально с первых дней, оснащался шестицилиндровым двигателем АЕС мощностью 87 л.с., обеспечивавшим скорость до 24 километров в час. Как танку сопровождения пехоты «Матильде» большей скорости, по мнению британских военных, и не требо-

валось. Пехотный танк «Valentine 1», столь нелюбимый советскими танкистами, тоже частично оснащался дизельными шестицилиндровыми двигателями мощностью 131 л.с. Для господина Резуна, подвизавшегося на ниве военного образования в английском колледже, не знать подобных вещей из истории армии его новой «родины» просто неприлично.

Как видим, дизель на танке был вещью вовсе не редкой даже в начальный период войны. Кстати, о танках легких, средних и тяжелых. Если сравнить немецкие танки Т-1 и Т-2 с танками Т-26, Т-40, Т-60, Т-70, то получается следующая картина. Большое количество Т-26 было танками пулеметными, равно как и Т-1. Различие в том, что многие Т-26 были двухбашенные, а Т-1 — однобашенные. В бою часто одна башня мешала вести огонь другой, а расположение двух спаренных пулеметов, наоборот, давало возможность концентрации огня. Да и сами немецкие пулеметы были более совершенны, чем советские. По весу советские танки превосходили, а по скорости уступали Т-1 (28 и 40 километров в час соответственно), бронирование и у тех, и у других было практически одинаково слабое. Силуэт был выше у Т-26, что явно говорит не в пользу последнего.

Вся серия легких танков Т-40 — Т-80 уступает немецким Т-2 по весу (около 7 тонн и около 10 тонн соответственно), по скорости (45 и 55 километров в час), по вооружению — Т-2 превосходят Т-38, Т-40 и равны Т-60 (20-миллиметровая пушка и пулемет и 12,7- и 7,62-миллиметровые пулеметы соответственно) и по бронированию (35—20 миллиметров против 6—13). Кстати, выпускались и амфибийные танки Т-2 со скоростью движения по воде 10 километров в час. Это — к утверждению «мифологов», будто амфибийные танки имелись

⁷ См. J. Winchester. Tanks and Armored Fighting Vehicles of WWII. The World's Greatest Military Vehicles, 1939–1945. N. Y., 2003.

только в Красной армии. Именно немецкие амфибийные танки форсировали Буг в первый день войны.

Средние танки, по Резуну, — это танки весом более 20 тонн. Поэтому БТ-1, БТ-2, БТ-5 и БТ-7 всех модификаций из этой категории сразу же выпадают (вес не дотягивает — 14 тонн). Да, по основным параметрам они лучше легких немецких Т-1 и Т-2. Но это всего лишь легкие танки. Средние же немецкие танки Т-3 и Т-4 превосходят БТ-5 и БТ-7 по всем параметрам, кроме скорости. Но в условиях передвижения вне дорог, то есть в боевых условиях, это преимущество теряется. По бронированию Т-3 (от 14,5 миллиметра днище до 90 миллиметров лобовая броня) и Т-4 (20 и 90 миллиметров соответственно) превышали все типы и модификации серии БТ (10 и 22 миллиметра соответственно). По вооружению же (37- или 50-миллиметровые пушки на Т-3 и 75-миллиметровые пушки на Т-4) немецкие танки превосходили БТ. Что они и доказали во время танковых дуэлей.

Танковые прицелы и электрооборудование немецких танков также оказались несравненно лучше советских аналогов. То же стоит сказать и о механизмах приводов поворота башен и наводки оружия. Даже на Т-34 башня двигалась рывками, а отсутствие командирской башенки настолько ограничивало видение поля боя, что на трофейных танках Т-34 немцы, прежде чем пустить их в бой, устанавливали командирскую башенку. Кстати, они широко использовали и советские трофейные танки, даже на Курской дуге их был целый батальон в составе танковой дивизии СС.

С другой стороны, Т-3 и Т-4 образца 1941 года не имеет смысла сравнивать с Т-34 и КВ того же времени. Они действительно были слабее, но, повторим, современных советских танков на линии противостояния в 1941

году оказалось мало, экипажи находились в процессе обучения, опыта применения практически не имелось. Секретная техника зачастую в ожидании прибытия обученного личного состава пребывала в ангарах под замком, где благополучно сгорала при бомбежке. В то же время и Т-3, и Т-4 в ходе войны неоднократно успешно модернизировались. К моменту Курского сражения Т-4 превосходили по своим качествам Т-34—76 и достаточно успешно противостояли танкам союзников до 1945 года. А вот Т-26, БТ всех модификаций, легкие танки до Т-80 включительно, все танкетки и броневики РККА, начавшие войну в 1941-м, при первой же возможности снимались с производства и вооружения. До победы они дожили только на Дальнем Востоке, где превосходили японские аналоги. На европейском театре военных действий эти машины военную гонку не выдержали.

Из средних танков Красная армия кроме Т-34 имела в 1941 году только многобашенный высокий и неуклюжий танк Т-28. От многобашенной архитектуры все ведущие конструкторы отказались задолго до войны. К 1941 году этот танк успел продемонстрировать полную несостоятельность, и его сняли с производства. При появлении на поле боя эти монстры представляли легчайшую цель для финских, не говоря уже о немецких, наводчиков практически всех противотанковых средств от ПТР до полевой артиллерии включительно. По вооружению Т-28 превосходил Т-3, но проигрывал Т-4 (очень слабая короткоствольная 76-миллиметровая пушка), по бронированию (20—80 миллиметров) слегка превосходил Т-3, но уступал Т-4. Уступал также и по скорости — 37 километров в час.

Имелись в Красной армии и «парадно-показательные» монстры —

тяжелые танки Т-35. Об их боевых качествах долго говорить не стоит. Упомянем бронирование — 10—30 миллиметров, скорость — 30 километров в час, три башни с 76,2-, 45- и 37-миллиметровыми пушками. Всего был построен 61 экземпляр, и практически все они базировались под Москвой. Кроме парадов участвовали в контрнаступлении под Москвой в декабре 1941 года. Где, кстати говоря, в очередной раз показали свою полную несостоятельность. А ведь, следуя замыслу «мифологов», именно их и следовало в первую очередь не демонстрировать на парадах, а двинуть на покорение Берлина и посему держать поближе к границе. Ведь, по Резуну, прекрасная преемственность получается: прошли парадом по брусчатке Красной площади, потом по Тиргартену, а закончили на Трафальгарской!

Немецкая армия кроме танков немецкого производства Т-1, Т-2, Т-3 и Т-4 имела на вооружении вполне приличные трофейные французские легкие, средние и тяжелые танки. Немцы использовали легкие танки R-35 с чешской 47-миллиметровой противотанковой пушкой и H-35 с 37-миллиметровой пушкой, вполне сопоставимые с Т-3 и Т-4. H-35, Т-35(t), Т-38(t) оказались настолько неплохими танками, что и после окончания войны использовались в армии обороны Израиля. Французские средние танки «SOMUA» S-35 и S-40, вооруженные 47-миллиметровыми пушками и имевшие 56-миллиметровое бронирование корпуса, со скоростью 37 километров в час и весом в 20 тонн, использовались на русском фронте под маркой PzKpfw 35C(f) или PzKpfw 40C(f), иногда — PzKpfw 739(f). Такие танки, например, участвовали в штурме Брестской крепости. Всего было захвачено около 500 средних танков этих модификаций.

Французские тяжелые танки «Char» В1 весом 32 тонны и вооруженные 75- и 47-миллиметровыми пушками с бронированием 60 миллиметров по всему корпусу использовались под названием PzKpfw В1(f); их было захвачено немцами порядка 400. Использовались они на Восточном фронте, в том числе в виде огнеметных танков. В последние годы войны немцы широко применяли шасси трофейных танков для создания очень неплохих бронированных самоходных орудий, в том числе и противотанковых.

Выходит, «мифологи», мягко говоря, заблуждаются, а их оппоненты, наоборот, правы, утверждая, что гитлеровцы к моменту нападения на СССР имели на вооружении тяжелые танки. И действительно, если по формальному совокупному количеству танков приграничные группировки войск СССР, несомненно, превосходили немецкие, то реально, по тактико-техническим характеристикам и профессиональной подготовке экипажей — значительно уступали им. Советские же Т-34 и КВ в полной мере показали себя только в будущем.

Не будем забывать и того, что чехословацкие и французские заводы в течение всей войны ударными темпами снабжали вермахт оружием, в том числе и танками. Только к концу 1941 года поставки оружия, боеприпасов и снаряжения из Франции и Бельгии оценивались в 11,928 миллиона немецких марок. Кроме того, в гитлеровской армии имелось множество гусеничных, полугусеничных, колесных бронированных машин с пушечным и пулеметным вооружением, предназначенных для поддержки и транспортировки пехоты на поле боя. Идя в бой вместе с танками, они создавали у обороняющихся советских войск картину массированного бронетанкового наступления.

Интересный пример использования французских танков приведен в книге блестящего летописца 2-й Ударной армии Б. И. Гаврилова⁸. Среди прочего он пишет о том, как немцы предприняли контратаку против частей 59-й отдельной стрелковой бригады силой роты с тремя танками «Рено-35». По танкам открыла огонь 45-миллиметровая противотанковая пушка, но снаряды рикошетировали, не пробивая броню. Оказалось, что модернизированные немцами «Рено» были дополнительно экранированы броней. Но «Рено-35» — это всего лишь устаревшие легкие танки с экипажем из двух человек и 37-миллиметровой пушкой. А ведь подавляющее большинство предвоенных советских танков, особенно легких, вооружалось оружием калибра не выше 45 миллиметров! В свою очередь, даже 20-миллиметровая, отнюдь не «жалкая», по Резуну, немецкая танковая пушка легко пробивала 22-миллиметровую броню БТ и Т-26.

В тактическом плане боевого применения легкие танки Т-26, БТ-5 и БТ-7 потерпели фиаско еще и потому, что их пытались противопоставлять в линейном бою средним немецким танкам Т-3, Т-4 и трофейным танкам, которым они проигрывали по всем основным параметрам, кроме скорости. Об этом говорят результаты крупных танковых сражений первого периода войны. Например, едва ли не самого массового танкового побоища в районе Ровно—Дубно—Броды. Кроме того, советским командованием совершенно не учитывался фактор массированного использования немцами штурмовой пикирующей авиации для борьбы с танками. Последний фактор проявился в очень слабом насыщении танковых частей

мобильной зенитной артиллерией малого калибра и крупнокалиберными пулеметами.

Более качественные, современные для того времени прицельные приспособления и механизмы наводки боевых немецких машин, созданные в конце 1930-х годов, значительно превосходили аналогичные устройства, стоявшие на «Виккерсах» и «Кристи», созданных в 1920-е годы. Устаревшие приборы и механизмы наводки перекочевали по наследству с английских и американских образцов на советские аналоги. Несовершенство подобных приборов практически сводило на нет несколько большую дальнобойность стрельбы советских танковых орудий. Если снаряд летит далеко, но попадает в «белый свет, как в копеечку», то проку от такой стрельбы мало. Немцы стреляли гораздо более точно, более метко, с большей скорострельностью, чем экипажи советских танков.

Увы, такое положение сохранялось очень долго в годы войны. Подготовка советских танкистов практически всегда значительно уступала подготовке немецких, и особенно — в начальный период боевых действий. У немцев и «наезд» водителей был солиднее, и техническое образование экипажа капитальнее, и время подготовки дольше. Обучение немецких танкистов включало массу выездов на танкодром и тактические учения с боевыми стрельбами, причем часто в качестве мишеней использовались захваченные советские танки, по некоторым сведениям — даже с экипажами из пленных, но без снарядов. (Существуют трофейные немецкие учебные фильмы, и автору довелось видеть некоторые из них, в которых войска СС и вермахта «воюют» против военнопленных, вооруженных оружием с холостыми патронами. Фильмы очень реалистичны, осо-

⁸ См. Б. И. Гаврилов. «Долина Смерти». Трагедия и подвиг 2-й Ударной армии. М., 2006.

бенно когда меткие залпы немцев настигали русских. Ни в титрах, ни в тесте диктора не говорится о судьбе «солдат противника», но создается впечатление, что убивали по-настоящему.)

Предвоенные наставления танковых войск РККА отдавали явное предпочтение стрельбе «с ходу», что, учитывая отсутствие стабилизаторов стрельбы, значительно снижало действенность огня. Немцы, обладая лучшими прицелами и электрической аппаратурой наводки, стреляли, как правило, или с места, или с короткой остановки. К концу войны, по сведениям автора, в немецкой армии появились первые модели стабилизаторов орудий, что заметно повысило точность наводки и результативность огня танков. В среднем жизнь немецкого танка включала в себя одиннадцать и более сражений, а жизнь советского — только три. Множество подбитых танков, успешно восстанавливалось обеими сторонами. До Курского сражения тут преобладали немцы, после — РККА. Все зависело от того, за кем оставалось поле боя. Кроме того, немцы обязательно взрывали подбитые советские танки.

До конца войны основной причиной гибели советских танков являлась недостаточная, слишком краткосрочная подготовка танковых экипажей в учебных подразделениях. И лишь затем на советских потерях отражались такие факторы, как усовершенствования, вносившиеся немцами в конструкцию своих противотанковых орудий, использование фаустпатронов, применение новых тяжелых танков типа «тигр» и «королевский тигр» и др.

Яркий пример исключения из этого грустного правила, представляет 4-я танковая бригада полковника Катукова, сформированная в 1941

году на базе курсантов и командиров Харьковского танкового училища, то есть из хорошо подготовленных профессионалов. Бригада Катукова наводила на немцев панический страх. Два раза бригада выскальзывала из немецкого окружения. Возле Тулы Катуков нанес сильный удар по 4-й танковой дивизии немцев, понесшей в результате большие потери. «Это был первый случай, когда огромное преимущество Т-34 перед нашими танками стало очевидным, — констатировал позже генерал Гудериан. — От быстрого наступления на Тулу, которое мы планировали, пришлось отказаться»⁹.

Через два дня Катуков, действуя из засады, нанес той же 4-й танковой дивизии немцев такое поражение, что она практически перестала существовать. По словам немецкого очевидца, «русские танки так проворны, на близких расстояниях они вскарабкиваются по склону или преодолевают болото быстрее, чем вы провернете башню. И сквозь шум и грохот вы все время слышите лязг снарядов по броне. Когда они попадают в наш (то есть немецкий. — Л. Л.) танк, часто слышишь оглушительный взрыв и рев горящего топлива, слишком громкий, благодарение Богу, чтобы можно было расслышать предсмертные крики экипажа»¹⁰. Как видим, квалифицированные, хорошо подготовленные механики-водители сумели полностью реализовать динамичные превосходные качества машин, не давая наводчикам противника время на прицеливание. С другой стороны, командиры танков не терялись, отлично контролировали обстановку на поле боя, грамотно и четко подавали

⁹ См. Н. Н. Моисеев. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.

¹⁰ См. А. Кларк. «План "Барбаросса"». Крушение третьего рейха, 1941–1945.

команды членам экипажа. Наводчики быстро и точно наводили орудия. А главное — танки Катуква действовали в основном методом танковых засад.

Решающими факторами победы славной танковой бригады послужили, во-первых, профессионализм и отличная подготовка как отдельных экипажей, прошедших хорошую подготовку именно на Т-34, так и командного состава, сформированного из преподавателей училища. Во-вторых, Катуква избрал не предписанный «уставами» и «наставлениями» вид боя — фронтальное наступление и малоэффективную, хотя и эффективную на учениях, стрельбу с ходу, а тактически верный новый прием: нападение из засад, стрельбу с места, своевременный и быстрый выход из боя для сохранения материальной части и личного состава. Благодаря погодным условиям и отличной маскировке бригада практически не по-

несла потерь от ударов авиации противника.

Так что не стоит Резуну бить себя в грудь и причитать о грязи, изливаемой историками на советские танковые войска, и т. д. Грязь, хитро замаскированную, изливает сам сей господин, исподволь подводя читателя к нехитрой мыслишке, что, мол, и обладая огромным преимуществом в количестве, превосходными танками, советские люди ничего не смогли сделать с вермахтом, воевавшим на старье и в меньшинстве. Хитро!

Но на каждого хитроумного «мифолога» существуют действительные факты, не имеющие ничего общего с вымыслом и пустыми фантазиями. А потому не удастся Резуну и иже с ним принизить значение подвигов советских танкистов, воевавших в большинстве случаев в меньшинстве, на не самых совершенных машинах и против лучше подготовленного врага. ◆